

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ

А.А. Киличенков

СССР В 1939 - 1941 гг.

Традиционно преподаватели отечественной истории в гражданских вузах недолюбливают раздел программы, отведенный Второй мировой войне, как, впрочем, и всем войнам вообще. В учебниках – это один из наименее интересных разделов, да и в лекционном курсе им отводится очень мало времени. Как правило, лектор предпочитает ограничиться констатацией набора известных фактических данных. Эта традиция восходит к существующему поныне неофициальному, но вполне реальному разделению историков на «военных» и «гражданских», в силу которого первые считали и считают историю войн своей «вотчиной», а вторые охотно это признают.

Данная лекция представляет собой попытку «гражданского» историка представить свое, «невоенное» видение истории Второй мировой войны, точнее участия в ней СССР, как предмета учебного курса.

Методически лекция построена на основе «проблемного подхода», когда проблема понимается как предмет конкретной познавательной деятельности в учебном процессе. Сама проблема формулируется в рамках одного или нескольких вопросов.

Период Второй мировой, начавшийся 1 сентября 1939 г. и завершившийся 22 июня 1941 г., имел решающее значение как для развития войны в целом, так и для участия в ней СССР. Именно в этот период был определен масштаб и характер войны, произошла расстановка основных сил противоборствующих сторон, приняты важнейшие решения, определившие дальнейший ход военных действий. При изучении истории Второй мировой войны в целом именно данная проблематика представляется наиболее обоснованной и продуктивной. Однако, поскольку в рамках настоящей лекции речь идет в первую очередь об участии Советского Союза в событиях данного периода войны, целесообразно рассматривать события 1939 – 1941 гг. сквозь призму их значения для истории советского общества и государства.

На чем тогда следует сфокусировать свое внимание? Каково авторское «проблемное видение» истории нашей страны в данный период?

Постановка проблемы. В качестве исходной может быть проблема подготовки СССР к войне. Главный вопрос: каким образом советское политическое руководство проводило подготовку страны к войне в условиях расширения ее масштаба? Насколько данная политика была адекватной требованиям обстановки? Каким в итоге оказалось состояние общества и его вооруженных сил накануне 22 июня 1941 г.?

Обоснование проблемы. После начала Второй мировой войны и в результате заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. политическому руководству СССР выпал редкий исторический шанс – на протяжении почти 22 месяцев оставаться в положении «над схваткой». В военно-политическом отношении это положение было крайне выгодным. Прежде всего, в условиях, когда крупнейшие мировые державы оказались втянуты в войну, советское руководство получило свободу действий. Оно сохранило свободу выбора того или иного союзника, то есть возможность присоединиться к той или иной стороне, потребовав при этом соответствующей компенсации. На протяжении определенного времени момент вступления в войну также определялся выбором СССР. И, наконец, советское военно-политическое руководство, наблюдая ход войны в Европе, получило уникальный шанс совершенно точно определить, каким образом будет действовать противник после неизбежного начала войны с ним. Вермахт в ходе кампаний 1939 – 1940 гг. раскрыл свою «лабораторию блицкрига», продемонстрировав весь арсенал политических и военных средств достижения победы. Советское командование теперь могло целенаправленно отрабатывать на учебных полигонах и в академических аудиториях наиболее эффективные способы борьбы с вероятным противником. Политическое руководство, извлекая уроки из опыта борьбы в Европе, получило возможность совершенно точно моделировать характер и масштабы надвигающейся войны, степень вовлеченности в нее общества и сумму усилий, необходимых для достижения победы.

Эта благоприятнейшая с военной и политической точки зрения ситуация дополнялась не менее благоприятной обстановкой внутри страны. В отличие от европейских стран, где общество, будучи «ушибленным» синдромом Первой мировой войны, не хотело и слышать о неизбежности новой войны, советское общество на протяжении двух десятилетий жило в ожидании войны. Война «империалистов» против «первого в мире социалистического государства» представлялась неизбежной. В этих условиях большевистские лидеры могли практически без препятствий, как внутри страны, так и вне ее, вести целенаправленную подготовку к мировой войне.

При обращении к событиям 1939 – 1941 гг. попытаемся ответить на вопросы: каким образом советское руководство готовило страну к войне и каким образом были использованы те уникальные возможности, о которых шла речь выше?

Процесс подготовки к войне целесообразно рассматривать в четырех основных аспектах: внешнеполитическая деятельность государства, моральная готовность общества к войне, состояние экономики и подготовка вооруженных сил.

Внешняя политика СССР: отодвигая рубежи войны

В ситуации неизбежности войны главной задачей внешней политики СССР должно было стать обеспечение наиболее выгодного соотношения сил для борьбы с противником. Лучшим средством для этого было бы заключение возможно более мощного по составу военного союза, с одной стороны, и внешнеполитическая изоляция противника – с другой. Вторая задача внешней политики – создание наиболее выгодных условий и времени вступления в войну. Гипотетически это означало ситуацию, когда страна и ее вооруженные силы наиболее готовы к началу войны, отношения с потенциальными союзниками оформлены в виде конкретных военных договоров и согласованных планов совместных действий, противник максимально ослаблен или не готов к началу войны. И третья, не менее важная, задача – обеспечение наиболее выгодного стратегического положения для собственных вооруженных сил, в котором они способны максимально эффективно выполнять задачи или обороны, или же решительных наступательных действий.

Важно понять, насколько успешно советская внешняя политика, действия политического руководства СССР смогли решить эти задачи.

Контрольный вопрос: Какие задачи подготовки к войне решала советская внешняя политика и каковы были достигнутые результаты?

Отношения СССР с потенциальными союзниками в борьбе против Германии определялись заключением **советско-германского договора о ненападении 1939 г.** и начавшейся вскоре войной в Европе. 23 августа И.В. Сталин и В.М. Молотов, практически единолично решавшие в тот период вопросы внешней политики¹, сделали выбор в пользу Германии. Советское руководство предпочло конкретные выгоды, которые давал пакт, довольно неопределенным перспективам возможного англо-франко-советского военного союза.

Однако важно отметить, что поворот советской политики от возможного союза с Англией и Францией к сотрудничеству с Германией происходил весьма осторожно. Объяснялось это как внезапностью германской инициативы, так и масштабностью сделанных предложений. На протяжении сентября – октября 1939 г. советская дипломатия действовала постепенно. С одной стороны, Москва не торопилась захватить ту часть Польши, что отходила в «сферу интересов» СССР согласно секретному протоколу к пакту 23 августа. Только **17 сентября** после многократных и настойчивых

пожеланий германской стороны Красная армия получила приказ перейти польскую границу и двинуться навстречу вермахту, уже вышедшему к линии разграничения «сфер германских и советских интересов в Польше». С другой стороны, советское руководство всячески пыталось успокоить Англию и Францию, опасавшихся возможных союзнических отношений СССР и Германии. И в целом советской дипломатии это удалось. Одновременно с вторжением на польскую территорию Москва сделала заявление о нейтралитете Советского Союза в начавшейся войне.

Контрольные вопросы: Чем объяснялась столь осторожная позиция советской внешней политики? Чем объяснить сходство политики «умиротворения» Германии и политики западных держав в отношении СССР осенью 1939 г.?

Английская и французская дипломатия с готовностью приняла эту позицию. Часть английских политиков пришла к выводу, что Советский Союз совершил вторжение в Польшу «в целях сдерживания немцев». И уже в октябре 1939 г. в правительственных кругах Англии вполне серьезно обсуждался вопрос о возможности заключения торгового договора с СССР. Достаточно спокойно союзники восприняли и появление частей Красной армии в Эстонии, Латвии и Литве, куда они были введены после заключения этими государствами пактов о взаимопомощи с СССР в сентябре – октябре 1939 г.

Безусловно, эта «умиротворяющая» позиция западных держав не могла не подтолкнуть советское руководство к дальнейшей экспансии в Восточной Европе. Осознав, что нейтралитет СССР в условиях разгоравшейся войны в Европе жизненно важен Англии и Франции, Сталин начал действовать более решительно. По сути, в позиции западных держав заработал тот же механизм, что и в отношении германской экспансии в конце 1930-х гг.: боязнь развязывания войны связала руки активной дипломатии.

Своеобразный «внешнеполитический Рубикон» советское руководство перешло **28 сентября 1939 г.**, заключив с Германией новый договор – **«о дружбе и границах»**. Дело было не в установлении общей государственной границы, что являлось скорее вопросом техническим, и не в «обмене» территориями, после чего Литва вошла в «сферу интересов» СССР. Советское руководство, отбросив колебания в выборе, открыто сделало ставку на Германию, прямо заявив о «дальнейшем развитии дружественных отношений между своими народами».

С этого момента начинается углублявшееся вплоть до весны 1941 г. сотрудничество Советского Союза с Германией в различных сферах.

Важнейшим для обеих сторон стало **экономическое сотрудничество**.

Первый шаг в его развитии был сделан еще накануне подписания пакта о ненападении – 19 августа 1939 г., – когда было заключено кредитное соглашение на общую сумму 380 млн. марок. В обмен на поставки в Германию нефти, хлопка, зерна, фосфатов и другого сырья СССР получал броню, станки, оптические приборы. Подписание договора «о дружбе и границе» дало новый толчок взаимовыгодной торговле. И обе стороны постарались извлечь максимальную выгоду.

При подготовке нового соглашения, в октябре 1939 г., германская делегация во главе с К. Шнурре рассчитывала приобрести стратегическое сырье на сумму в 1,5 млрд марок, предлагая промышленные товары на сумму в 1 млрд марок. Но встречное предложение делегации А. Микояна повергло немцев в изумление: «советы» хотели получить товаров на ту же сумму и, главное, почти одно оружие! Перечень заказа включал широчайший спектр: от дальномеров до тяжелых крейсеров, от биноклей до танков, от прицелов до образцов всех (!) немецких самолетов. Советские руководители, осознав, что Германия чрезвычайно заинтересована в получении стратегического сырья в преддверии начала наступления на Западе, просто «повышали ставки». Однако список советских требований был слишком велик даже в этих условиях. Итог заключенного **11 февраля 1940 г.** в Москве **«Хозяйственного соглашения между Германией и СССР»** оказался более скромным для обеих сторон. СССР должен был поставить в Германию сырья на 800 млн марок, в том числе 900 тыс. т нефти, 500 тыс. т железной руды, 100 тыс. т хромовой руды и тысячи тонн цветных металлов. В стоимость советских поставок также был включен транзит стратегических материалов в Германию из Ирана, Афганистана и других стран. В свою очередь Советских Союз получал из Германии товаров и услуг на сумму в 600 млн марок. В число поставок входили образцы вооружений и военной техники, в том числе бронетехника, самолеты и недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов».

Значительной оказалась и советская помощь германским военно-морским силам. В октябре 1939 г. правительство СССР предложило германскому командованию создать военно-морскую базу на Кольском полуострове, в 35 милях от Мурманска. Эта база получила название «Базис Норд». Она использовалась немецкими кораблями и подводными лодками для ремонта и дозаправки так же, как и другие советские порты.

Однако этим советско-германское сотрудничество не исчерпывалось. Летом – осенью 1940 г. советские ледоколы «Ленин», «Сталин» и «Каганович» провели Северным морским путем в Тихий океан германский рейдер «Комет», замаскированный под торговый корабль. Выйдя в Тихий, а затем и Индийский океан он начал топить торговые корабли англичан.

Опираясь на поддержку Германии, советское руководство приступило к решению «финского вопроса».

Первоначально оно намеревалось использовать ту же модель решения проблемы, что и в случае со странами Балтии. Но неуступчивость финской стороны, не соглашавшейся предоставить базы для размещения подразделений Красной армии, поставила Советский Союз перед необходимостью применения силы.

Полагаясь на подавляющее превосходство своих вооруженных сил над малочисленной финской армией и невмешательство западных держав, Сталин начал войну. **30 ноября 1939 г.** части Красной армии начинают боевые действия на финской границе. На следующий день в г. Терийоки (ныне г. Зеленогорск) было провозглашено «народное правительство Финляндской демократической республики», во главе с известным деятелем Коминтерна Отто Куусиненом. СССР немедленно признал это правительство и заключил с ним договор о взаимопомощи и дружбе.

Однако расчеты большевистских политиков на этот раз не оправдались. Попытка создания марионеточного правительства в Терийоки вызвала резко негативную реакцию мирового сообщества. Не получилось и «блицкрига»: военные действия приобрели затяжной и кровопролитный характер. К концу декабря возникла реальная угроза вмешательства в конфликт европейских держав – прежде всего Англии и Франции. И все же в феврале 1940 г. Красной армии удалось добиться решающих успехов на фронте, и война завершилась заключением мирного договора **12 марта 1940 г.** Советский Союз получил часть финской территории на Карельском перешейке, на Кольском полуострове, финны сдали в аренду полуостров Ханко (бывший Гангут).

Наиболее важным результатом этой войны считалось то, что удалось отодвинуть границу от Ленинграда, но не меньшее значение имела аренда военно-морской базы на Ханко. Вместе с базами на территории Эстонии и Моонзундских островах удалось восстановить существовавшую еще в начале века систему обороны устья Финского залива, что закрывало противнику путь к Ленинграду с моря.

Собственно военный итог оказался не в пользу Красной армии: она понесла тяжелейшие потери.

Контрольные вопросы: Каковы были военно-политические итоги «зимней» войны 1939 – 1940 гг.? Что явилось причиной окончательной переориентации политики СССР на отношения с Германией?

Таблица 1. Потери воюющих сторон в советско-финляндской войне 1939 – 1940 гг.²

Потери	СССР	Финляндия
Личный состав:		

убитые и умершие	87 506	21 396
пропавшие без вести	39 369	1 434
пленные	5 567	847
раненые, больные	264 908	43 557
Техника и вооружение:		
танки	653	50
самолеты	406	62
орудия, минометы	422	500

Весной - летом 1940 г. вновь кардинально изменилась ситуация в Европе.

В апреле Германия неожиданным и стремительным ударом захватила Данию и Норвегию. В мае также неожиданно для союзников вермахт нанес удар по Бельгии, Голландии и через их территорию вторгся во Францию. Объединенные англо-французские силы потерпели сокрушительное поражение. И уже 22 июня Франция капитулировала. Германии понадобилось всего шесть недель, чтобы сокрушить мощнейшую военную державу в Европе.

Таким образом, самый потрясающий «блицкриг» за всю историю войн радикальнейшим образом изменил баланс сил в Европе. Прежняя схема, на которую опирался Сталин в своих внешнеполитических расчетах, рухнула. Теперь Гитлер, уничтожив на какое-то время потенциальную угрозу войны на два фронта, получил свободу действий на Востоке. Близкая возможность столкновения СССР и Германии вырисовывалась все более четко.

Для Сталина это означало необходимость выбора нового курса. И снова, как в 1939 г., к необходимости этого выбора подтолкнули действия британской дипломатии. 1 июля 1940 г. английский посол в СССР С. Криппс передал Сталину послание У. Черчилля, пытавшегося выяснить позицию советского руководства в новой расстановке сил. Это можно было расценить как попытку создать основу для совместных действий против Германии. Но и в этот раз Сталин сделал ставку на Германию: через несколько дней после встречи с Криппсом Молотов передал резюме этой встречи германскому послу в Москве Ф. фон Шуленбургу, открыв перед немцами «все карты».

Одновременно советское руководство сделало следующий шаг в территориальной экспансии. В **середине июня** в страны Балтии были введены дополнительные соединения Красной армии, и тогда же советское правительство направило руководителям Эстонии, Латвии и Литвы ноты с требованием изменить состав правительств с целью «честного проведения в жизнь» договоров о взаимопомощи с СССР. Вскоре новые правительства были сформированы.

Затем СССР перенес направление своей экспансии на юг. 26 июня советское правительство потребовало от Румынии возвращения

Бессарабии. В **конце июня** части Красной армии были введены на территорию Бессарабии и Северной Буковины. В **начале августа** эти земли были включены в состав созданной Молдавской ССР и Украины.

В эти же дни в состав СССР на правах республик были приняты Литва, Латвия и Эстония. Поглощение Советским Союзом стран Балтии крайне негативно было воспринято на Западе. Отношения с Англией и США заметно ухудшились.

Контрольные вопросы: Каковы были причины сохранения Советским Союзом приверженности отношениям с Германией летом 1940 г.? Чем объяснить советскую территориальную экспансию летом 1940 г.?

Впрочем, эта реакция не слишком беспокоила советское руководство. Гораздо важнее была реакция Германии. И если присоединение Бессарабии вполне соответствовало содержанию секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, поскольку эта территория входила в «сферу интересов» Советского Союза, то включение стран Прибалтики в состав СССР и особенно захват Северной Буковины вызвали в Берлине беспокойство. С этого момента начинается охлаждение отношений и дипломатическое противостояние двух стран.

Вскоре Германия взяла реванш. В конце августа в Вене состоялся арбитраж по поводу территориального спора Венгрии и Румынии с участием Италии и Германии. Мало того, что Советский Союз не был приглашен к участию в работе арбитража, Германия выступила гарантом новых границ Румынии, что советской стороной было расценено как прямое нарушение советско-германского пакта о ненападении.

В сентябре отношения осложнились еще больше. На территории Румынии и Финляндии появились германские войска, **27 сентября 1940 г.** в Берлине был подписан **германо-итало-японский договор о военном союзе (Тройственный пакт)**. Причем во всех случаях Советский Союз был поставлен перед фактом.

Все возникшие проблемы должен был решить визит главы советского правительства и наркома иностранных дел Молотова в Берлин 12 – 13 **ноября 1940 г.** Однако он, по сути, закончился ничем. Попытка Молотова решить вопросы, «отравляющие германо-русские отношения», не принесла результатов. Выдвинутые Германией условия присоединения к Тройственному пакту были явно неприемлемыми для советской стороны. Состоявшееся вскоре присоединение к пакту Венгрии и Румынии лишь подчеркнуло жесткость позиции германской дипломатии.

Москва попыталась противостоять германскому давлению на Балканах. В конце ноября советское правительство предложило Болгарии заключить пакт о взаимопомощи, но это предложение было отвергнуто.

После провала миссии Молотова в Берлин для советского руководства наступил «момент истины».

Из записи бесед писателя К. Симонова с маршалом А.М. Василевским:

«Что немцы готовились к войне и что она будет, несмотря на пакт, были убеждены все, кто ездил в ноябре сорокового года вместе с Молотовым в Берлин. Я тоже ездил в составе этой делегации, как один из представителей Генерального штаба. После этой поездки, после приемов, разговоров там ни у кого из нас не было ни малейших сомнений в том, что Гитлер держит камень за пазухой. Об этом говорили и самому Молотову. Насколько я понял, он тоже придерживался этой точки зрения».

(Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 358 – 359.)

Сохранение прежней позиции во внешней политике, в основе которой была ставка на сотрудничество с Германией и неприятие любых попыток Англии и США к сближению, вызывало все большее сомнение. По сути, отношения с Германией подошли к своему пределу: что-либо делить к обоюдной выгоде уже было нечего, военный союз для обеих сторон представлялся невозможным. Ставка германского руководства на сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях невозможности скорой победы над Англией делала Германию чрезвычайно уязвимой, а советскую позицию слишком сильной, что было заведомо неприемлемым для Гитлера. В данной ситуации столкновение между СССР и Германией становилось лишь вопросом времени. И непонимание Москвой сути этой ситуации заранее отдавало инициативу Берлину.

На этом фоне особенно значимым выглядело не только продолжение, но и расширение экономического сотрудничества СССР и Германии. Несмотря на осложнение дипломатических отношений и провал миссии Молотова, 10 января 1941 г. в Москве было подписано новое **«Хозяйственное соглашение»**. Общий объем торговли достиг пика в мае 1941 г. В Германию продолжали безостановочно идти эшелоны с нефтью, цветными металлами, зерном, хлопком, а в Советский Союз – промышленное оборудование, броня, образцы вооружения, технология. Всего же с 23 августа 1939 г. по 22 июня 1941 г. сумма размещенных заказов обеих стран достигла 3 млрд марок, а сумма выполненных заказов – 1,2 млрд марок.

Контрольный вопрос: Чем объяснялось расширение советско-германского экономического сотрудничества в начале 1941 г., несмотря на охлаждение политических взаимоотношений двух стран?

Весной советская дипломатия предприняла последнюю попытку политического противоборства с Германией: **5 апреля 1941 г.** в

Москве был подписан **советско-югославский Договор о дружбе и ненападении**. Но германская реакция на эту попытку была быстрой и жесткой: на следующий день части вермахта перешли югославскую границу. 15 апреля Югославия капитулировала.

Единственным ощутимым успехом советской внешней политики стало заключение с Японией пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г., что значительно снижало угрозу войны на два фронта.

Таким образом, в течение 22 месяцев «мирной передышки», купленной ценой сближения с Германией и отказа от возможного сотрудничества с Англией, Францией и США, советское руководство проводило активную внешнюю политику, результаты которой оказались весьма противоречивыми.

С одной стороны, прямым результатом этой политики стала успешная экспансия в западном направлении, включение в состав СССР ряда независимых государств и отторжение ряда территорий от соседних стран. Весьма ощутимыми были результаты экономического сотрудничества с Германией: советская экономика получила большое количество станков, оборудования, новые технологии. И, пожалуй, самое важное: в распоряжении командования Красной армии и военно-морского флота оказались образцы немецкого вооружения и военной техники, в том числе и самые новейшие. Они подверглись тщательному изучению. Специалисты промышленности могли познакомиться с новейшей немецкой техникой и технологией, использовать этот опыт в создании новой техники для Красной армии. Технические специалисты армии и флота получили прекрасную возможность изучить сильные и слабые стороны немецкой техники и выработать наиболее эффективные средства и способы борьбы с противником непосредственно перед началом войны. Такой возможности не получила ни одна армия того времени.

Но были и весьма негативные последствия. Так, Германия к 22 июня 1941 г. выполнила свои обязательства по поставкам в Советский Союз в размере 68 % от объема советских поставок. Это означало, что Германия осталась должной 234,2 млн марок.

Но главными все же были политические последствия. В момент начала войны с Германией Советский Союз все-таки оказался один. И уже в ходе войны пришлось создавать будущую антигитлеровскую коалицию, договариваться о механизмах взаимопомощи и взаимодействия. Это все требовало большого времени как раз в период, когда вермахт продвигался по советской территории по 60 – 70 км в сутки. В те же 22 месяца Германия сумела создать коалицию европейских государств, вооруженные силы которых вместе с вермахтом обрушились на СССР в июне 1941 г.

Точно так же продвижение госграницы СССР на запад имело свои негативные последствия. Победа в «зимней войне» стала для СССР поистине «пирровой». Цена за квадратный километр финской территории была несоизмерима с полученными выгодами. Главное же было в том, что исходные цели «поглощения» Финляндии достигнуты

не были. По сути, это было первое поражение в процессе советской экспансии. И еще одно: совершенно шокирующее впечатление на Запад произвела демонстрация военной слабости Красной армии. На фоне ошеломляющих успехов вермахта в Европе это выглядело особенно разительно. Наконец, самым значимым военно-политическим итогом этой войны стало то, что взамен потенциально нейтральной страны на северо-западной границе вблизи стратегически важного центра страны – Ленинграда – СССР получил реального противника, буквально обреченного на скорый реванш.

Весьма неоднозначным было включение новых территорий в состав Советского Союза. С одной стороны, численность населения возросла на 14 млн человек, и граница была отодвинута на западе на расстояние от 300 до 600 км. Но одновременно возникла необходимость оборудования линии новой государственной границы и, главное, создания необходимой инфраструктуры приграничных округов. Насколько удалось решить эту задачу, свидетельствует тот факт, что к началу войны в 1941 г. пропускная способность советской железнодорожной сети на западном театре боевых действий уступала германской более чем в два раза, в то время как до присоединения новых территорий это соотношение было почти равным. Следует отметить и враждебность значительной части населения к советскому режиму на вошедших в состав СССР территориях. Это создавало прекрасные возможности для вербовки германской разведкой многочисленной агентуры среди населения и успешной диверсионной деятельности с началом войны.

Таким образом, преимущества военно-стратегического характера, полученные Советским Союзом в результате сближения с Германией, существенно осложнялись или же практически сводились «на нет» возникшими проблемами. Требовалось значительное время для реализации этих преимуществ, а его-то уже не оставалось.

Противоречивость результатов советской внешней политики заключалась в том, что они могли дать положительный эффект только при длительной передышке, на которую, собственно, и рассчитывал Сталин, совершая выбор в пользу сближения с Германией. Но в ситуации, когда эта передышка оказывалась слишком короткой, возник обратный эффект: все плюсы обратились в минусы.

Контрольные вопросы: Насколько советская внешняя политика смогла обеспечить интересы страны в условиях надвигающейся войны? Какова была эффективность советской внешней политики при подготовке к войне?

**Советское общество накануне испытаний:
«Если завтра война...»**

К началу Великой Отечественной войны СССР представлял собой крупнейшее государство федеративного типа, в составе которого было 16 союзных и 21 автономная республика, 9 автономных областей и 10 национальных округов. Численность населения после присоединения новых территорий достигла почти 200 млн, он обладал самыми большими людскими ресурсами среди европейских стран, превышая по этому показателю Германию более чем в два раза.

В каком же состоянии находилось общество накануне войны? Насколько оно было готово к грядущим испытаниям? Насколько эффективной оказалась деятельность государства по морально-психологической подготовке населения к войне?

Готовность советского общества к войне определялась рядом факторов, важнейшим из которых была целенаправленная деятельность государства по подготовке страны к войне. Неизбежность войны с капиталистическим окружением вытекала из самой идеологической доктрины большевистской власти, нацеленной на мировую революцию. Но непосредственно вопрос о подготовке к войне возник после «военной тревоги» мая 1927 г., вызванной разрывом отношений с Англией. Характеризуя новую внешнеполитическую ситуацию на XV съезде ВКП(б) Сталин заявил: период «мирного сожительства» с капиталистическими странами уходит в прошлое. Именно тогда были предприняты первые шаги по целенаправленной подготовке к войне. Они были увязаны с начавшейся индустриализацией, а затем, на ее основе, – с техническим перевооружением Красной армии и флота. Общество постепенно свыкалось с мыслью о неизбежности войны.

Из воспоминаний писателя К. Симонова:

«То, что мы когда-нибудь будем воевать с фашистской Германией, для меня не составляло ни малейших сомнений... люди моего поколения жили с ощущением неизбежности столкновения с фашизмом. Испания еще более укрепила это ощущение, а пакт с немцами не разрушил его. Может быть, для кого-то и разрушил – не знаю. Для меня и для моих товарищей в тогдашней молодой литературе – нет, не разрушил. Просто казалось, что это будет довольно далеко от нас, что до этого будет долго идти война между Германией, Францией и Англией, и уже где-то потом, в финале, столкнемся с фашизмом мы. Такой ход нашим размышлениям придал пакт, в этом сначала было нечто успокоительное. Финская война, со всеми обнаружившимися на ней нашими военными слабостями, заставила задним числом думать о пакте как о большем благе для нас, чем это мне казалось вначале. Тревожно было представить себе после финской войны и всего, на ней обнаружившегося, что мы – вот такие, какими мы оказались на финской войне в тридцать девятом году, – не заключили бы пакта, а столкнулись бы один на один с немцами.

Естественно, что случившееся во Франции (Капитуляция Франции в июне 1940 г. – Авт.) только обострило это чувство и обострило многократно. То, что впереди война – рано или поздно, – мы знали и раньше. Теперь почувствовали, что она будет не рано или поздно, а вот-вот».

(Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 86.)

Возникшей уверенностью в близости войны объяснялось многое в восприятии советских людей. По словам того же К. Симонова, «мыслями о неизбежности этой войны... объяснялись для меня и многие трудности нашей жизни, и та стремительная и напряженная индустриализация страны, свидетелями и участниками которой мы были. В этой же неизбежности войны мы искали объяснения репрессиям 1937 – 1938 годов...».

Внедренная в массы мысль о неизбежности войны требовала действий. Государство направляло эту энергию на конкретные цели, облекало в необходимые формы. Создавались различные организации: аэроклубы, парашютные и стрелковые секции (самой крупной из них был ОСОАВИАХИМ – общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), где сотни тысяч молодых людей получали военную подготовку. Иницилируемые пропагандой, возникали массовые движения, подобные движению «ворошиловских стрелков», объединявших молодых людей, обучавшихся стрельбе из винтовки.

Постепенно нарастала пропаганда необходимости быть готовым к будущей войне. Все ее средства – печать, радио, кино, театр, массовые митинги и собрания – были направлены на морально-психологическую подготовку населения к будущим испытаниям. Важнейшей частью этой пропаганды стал образ самой войны. Многотысячными тиражами издавались книги, на экраны выходили фильмы о будущей войне.

Одним из самых популярных стал фильм «Если завтра война», снятый в 1938 г. режиссером Е.Л. Дзиганом. В нем был показан возможный сценарий будущей войны «союза фашистских государств» против СССР. Война, разумеется, началась с нападения агрессоров на советские границы. Но благодаря самоотверженности и героизму пограничников нападение было отбито, и подоспевшие части Красной армии нанесли ответный удар, перенеся боевые действия на территорию противника. Вероломное нападение на Советский Союз вызвало восстание европейского пролетариата против фашистских режимов и завершилось революцией. Красная армия в течение одного-двух дней разгромила агрессоров, понеся при этом минимальные потери (с советской стороны в фильме погибают всего три человека). Финальные титры фильма: «Первое нападение врага получило сокрушительный отпор. Так может начаться война, которая приведет к гибели капиталистический мир». Они подводили итог и закрепляли в сознании зрителя главную идею: грядущая война будет, несомненно, быстрой и победной.

В общественном сознании это создавало четко заданные ожидания и установки относительно приближавшейся войны. Но в ситуации драматического начала настоящей войны эти установки и ожидания дали прямо противоположный эффект – эффект «несбывшихся ожиданий», в свою очередь перешедший в шок, поразивший сознание участников событий июня – июля 1941 г.

Характерно отношение самого Сталина к фильму «Если завтра война». Как вспоминал позднее нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, «после приемов в Кремле в 1944 – 1945 гг. (довольно частых одно время) И.В. Сталин любил после официального ужина всех пригласить в небольшой кинозал и показать одну-две ленты. Кино смотреть он любил! Помнится, несколько раз он требовал крутить картину «Если завтра война». Война началась не совсем так, как в картине, но он с этим не считался, да и положение на фронтах к 1944 г. было уже хорошим. Приглашенные на очередной просмотр, мы спрашивали друг друга: «Какая будет сегодня картина?» И.Ф. Тевосян, с которым мы часто сидели рядом, лукаво улыбнувшись, отвечал: «Самая новая: “Если завтра война”».

Из текста песни к кинофильму «Если завтра война»

(Музыка Д.Я. Покрасса, слова В.И. Лебедева-Кумача):

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

Припев

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров.
Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!
Если завтра война, всколыхнется страна
От Кронштадта и до Владивостока.
Всколыхнется страна и сумеет она,
Чтобы враг поплатился жестоко!

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут железные танки.
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки!

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила!
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!³

Контрольные вопросы: Какой образ войны представлен в тексте песни? Насколько песня способствовала подготовке общества к приближающейся войне с Германией?

Второй важной идеей пропаганды 1930-х гг. стало воспевание мощи Красной армии, формирование в сознании общества ее культа и веры в ее непобедимость. «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!»

Еще одна составляющая образа грядущей войны – пролетарская солидарность трудящихся Запада, своего рода союзник в тылу империалистических держав, который неминуемо нанесет удар, чтобы помочь Красной армии-освободительнице. Предполагалось, что сама пролетарская природа советского государства и его армии обеспечит массовую поддержку населения, а появление Красной армии вызовет социальную революцию. «Забрав у помещиков землю, отдать крестьянам на веки вечны, безвозмездно. Мы этим лозунгом, – считал современник, – еще не одну армию на земном шаре взорвем!»

Укоренению данного образа будущей войны способствовал опыт локальных военных столкновений на Дальнем Востоке, из которых Красная армия вышла победительницей, и особенно так называемый «освободительный» поход в Польшу осенью 1939 г. В ходе двухнедельного вторжения сработали все «установки-предсказания»: война оказалась скоротечной, победной и обошлась малой кровью. А полное отсутствие сопротивления польской армии позволяло увидеть в этом того самого «рабоче-крестьянского союзника». Эйфория от столь масштабного успеха заслонила многочисленные картины вопиющей дезорганизации, управленческой неразберихи и заурядного отсутствия дисциплины. Все это привело к весьма ощутимым потерям. По официальным данным, в ходе польского похода погибло и умерло 1 475 и было ранено 3 858 солдат и офицеров.

Немаловажным стал факт отвода немецких частей от Львова за реки Висла и Сан при подходе к городу передовых частей Красной армии. Современники восторженно расценили это как признание немцами советской военной силы: «Сейчас перед машиной РККА, превышающей силы Германии в верных три, если не больше, раза – многие попятятся». Было отчего закружиться самой трезвой голове...

Сомнительная с точки зрения созданного образа будущей войны победа в «зимней войне» и успехи вермахта в Западной Европе оставили трещину в блистательном образе грядущей войны. Но пропаганда провела контрмеры против чрезмерного восхваления германских побед, одновременно всячески превознося победу над Финляндией: появились новые книги, пьесы, статьи в газетах. И к июню 1941 г. прежний образ войны был восстановлен.

Важную роль в подготовке общества к войне сыграли массовые репрессии второй половины 1930-х гг. В информации о судебных процессах над «врагами народа» обязательно делался акцент на их

сотрудничестве с разведслужбами потенциальных противников СССР. Тема борьбы со шпионами и диверсантами стала излюбленной в литературе и кинематографе. Итогом этой масштабной кампании стало создание в обществе специфической атмосферы «поиска врагов среди своих», что дополняло возникшее еще раньше ощущение «осажденной крепости» – пребывания СССР во враждебном капиталистическом окружении.

Шпиономания, поиск «вредителей» и «врагов народа», с одной стороны, постоянно напоминали о близости войны, с другой – тяжелейшим прессом ложились на сознание советского человека. Каждый мог стать жертвой доноса «сверхбдительного» соседа или сослуживца. Естественной реакцией на это состояние стала потребность доказать свою лояльность. Не каждый готов был стать доносчиком, поэтому для большинства лучшим способом становилось участие в настоящей схватке с врагом. Наряду с действительным желанием исполнить свой интернациональный и патриотический долг этот мотив становился весьма распространенным, приводившим тысячи людей в ряды добровольцев, желавших выехать в Испанию, Китай, Монголию для борьбы с «фашистами и милитаристами», просивших направить их в действующую армию на Дальний Восток и в Польшу.

Сознание любого общества изначально стремится к состоянию целостности и единства. Раскол общественного сознания – симптом болезни общества. Поэтому синдром «поиска врага среди своих» требовалось изжить. Лучшим и самым быстродействующим средством оказалось обретение врага внешнего и явного, что и произошло после нападения Германии. В действии данного фактора следует искать один из факторов небывалого патриотического подъема, охватившего страну в первые дни войны. Масштаб и формы его проявления явно имели черты изживания синдрома, тяготившего сознание общества.

Но воздействие массовых репрессий на общество имело и обратную сторону. Репрессии, масштаб которых до сих пор остается предметом дискуссий специалистов, затронули значительную часть общества. По официальным данным, на 1 марта 1940 г. общее число заключенных в 53 лагерях ГУЛАГа НКВД составляло 1 668 200 человек. К ним следует прибавить расстрелянных и умерших к тому времени в лагерях, репрессированных в ходе коллективизации и раскулачивания, насильственно переселенных в отдаленные районы, пострадавших во время голода 1933 – 1934 гг., потерявших работу и место жительства в результате всевозможных «чисток», а также их родственников. Общее число жертв не поддается точной оценке, но в любом случае речь идет о многих миллионах людей, имевших достаточно оснований для негативного отношения к Советской власти.

Настроение этой части общества бесстрастно зафиксировал неизвестный информатор: «Бог нам войну посылает. Может быть,

власть изменится и жизнь будет легче». Особенно велик был процент противников большевистского режима на территориях, присоединенных к СССР в 1939 – 1940 гг. Эта немалая часть населения СССР и составила социальную основу коллаборационизма.

С другой стороны, отчасти и террор 1930-х гг. привел к тому, что в первые годы войны, несмотря на катастрофические поражения на фронте, массового антисоветского движения в тылу Красной армии так и не возникло. Впоследствии именно это обстоятельство послужило оправданием массовых репрессий (прежде всего теми, кто имел к ним прямое или косвенное отношение).

Из беседы В.М. Молотова с писателем Ф.И. Чуевым:

«1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны». Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, перевернутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в тридцать седьмом, была правильной. Документы скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было. 18.12.1970 г.».

(Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 464.)

В конечном итоге пропаганда сделала свое дело: советские люди войны не боялись и войну ждали. Это состояние общества резко контрастировало с тем, что происходило в то же самое время в общественном сознании западных стран, где боязнь и острое нежелание войны практически парализовали активную дипломатию «с позиции силы», открыв дорогу нацистской агрессии.

В большинстве своем население СССР в морально-психологическом отношении было готово к войне. Главный вопрос, однако, заключается в следующем: к какой именно войне? Ответ очевиден: только победоносной, на чужой территории и обязательно «малой кровью»!

Обратная сторона именно такого рода готовности проявилась уже в первые дни и недели войны. Глубина потрясений от сокрушительных поражений Красной армии была прямо пропорциональна степени уверенности советских людей, и особенно военнослужащих, в неминуемом разгроме Германии за несколько дней и победном вступлении в Берлин.

Таким образом, сталинское военно-политическое руководство и здесь допустило тяжелейшую ошибку: оно готовило советский народ к другой войне, придуманной, а не реальной. Прямым следствием этой ошибки стал глубочайший психологический шок начала войны, выразившийся в падении морального духа и дисциплины войск, панике в городах и т.д.

И хотя социальная база Советской власти оказалась далеко не монолитной, все же большинство общества действительно поддерживало сталинский режим, разделяло его идеологию и ценностные установки. По сути, именно эта поддержка и позволила государству максимально мобилизовать потенциал общества в ходе войны.

Советская экономика и подготовка к войне

Развитие советской экономики в 1939 – 1940 гг. было подчинено подготовке к войне.

К концу 1930-х гг. были достигнуты впечатляющие успехи. За годы первых пятилеток в СССР практически заново были созданы целые отрасли – химическая, электротехническая, приборостроительная, авиационная и т.д. Только за три с половиной предвоенных года в строй было введено около 3 тыс. крупных промышленных предприятий. Итогом колоссальных затрат и усилий советского народа стало создание мощного экономического потенциала.

Сталинский режим, создав сверхжесткую централизованную систему управления экономикой, контролируя колоссальные природные ресурсы и финансовые средства, имея в распоряжении многомиллионную армию рабочих, мощный механизм принудительного труда, был в состоянии концентрировать усилия всей экономики, всего общества в необходимых ему сферах. В 1930-е гг. сферой такого приложения усилий стало военное производство. По темпам роста военных расходов СССР опережал все государства мира. Во второй пятилетке (1932 – 1937 гг.) прирост военного производства составил 286 %, тогда как общий прирост – всего 120 %.

Важнейшей частью подготовки советской экономики к войне стало создание дополнительных районов промышленного производства на востоке. Уже в 1940 г. предприятия, расположенные за Уралом, дали 18,2 % производства чугуна, 21,4 % – стали, 7,2 % добычи угля, 27,1 % – железной руды, 5,2 % – нефти, 12,8 % выработки электроэнергии.

С началом Второй мировой войны был проведен целый ряд мер по дальнейшему развитию производства вооружений. В сентябре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принял постановление о реконструкции существующих и строительстве новых авиационных заводов, что должно было обеспечить к концу 1941 г. увеличение производства самолетов в полтора раза. Аналогичные меры были приняты и для

увеличения производства танков, артиллерийских систем, стрелкового оружия. В распоряжение наркоматов военных отраслей промышленности передавались десятки предприятий, производивших ранее мирную продукцию. Экономика все более и более милитаризировалась.

Ужесточались и условия работы в промышленности. 26 июня 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР рабочий день был увеличен до 8 часов, а рабочая неделя – до 7 дней. Была введена судебная ответственность за прогулы и самовольный уход с работы. В результате продолжительность работы каждого рабочего в среднем увеличилась на 33 часа в месяц. Промышленность получила сразу миллионы дополнительных рабочих рук. Дополнительный прирост производства был обеспечен и общим повышением норм выработки в промышленности.

Создание мощного военно-промышленного комплекса, мобилизация сил и ресурсов общества позволили государству добиться высочайшего в мире уровня производства вооружений. Однако и в данной области сталинским руководством были допущены ошибки и просчеты. Важнейшим из них стала диспропорция между числом оборонных предприятий и базовыми отраслями экономики. Для огромного числа военных заводов не хватало станков, оборудования, сырья, материалов и, самое главное, квалифицированной рабочей силы. В предвоенные годы замедлились темпы роста выплавки стали и добычи нефти, выработки электроэнергии.

Деформированная экономика работала с большим напряжением. Гигантская военная индустрия с большим трудом, преодолевая инерцию, перестраивалась на производство новых образцов вооружений. Огромных усилий стоило освоение производства сложных видов продукции в приборостроении, электро- и радиотехнике, двигателестроении.

Диспропорции были допущены и в развитии отраслей самого военного производства – вооружения и боеприпасов, техники и приборостроения. Недостаточным в сравнении с общей массой производимой техники и вооружения оказалось производство транспорта и средств связи, ремонта и инженерного обеспечения.

В целом советская экономика оказалась вполне подготовленной к войне. Уровень ее развития позволял обеспечить вооруженные силы необходимым количеством техники, вооружения и боеприпасов. Уровень технического совершенства был вполне приемлем для своего времени. Структура и система управления военным производством и экономикой в общем позволяли в случае необходимости резко увеличить количество производимой техники и вооружений, что и было продемонстрировано в ходе войны.⁴

Примечания

¹ Историкам до сих пор не удалось обнаружить документы Политбюро, относящиеся к истории заключения советско-германского пакта, что позволяет предположить: важнейшие вопросы решались единолично И.В. Сталиным, возможно с участием В.М. Молотова (см.: Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика, 1939 – 1941. М., 1999. С. 7).

² Составлено по: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 213; Зимняя война, 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 325.

³ В фильме последние строки звучали иначе: «И всегда, и везде с нами Сталин родной / С нами маршал идет Ворошилов». Песня стала очень популярной, и ее часто исполняли, но после того, как в мае 1940 г. К.Е. Ворошилов был снят с должности наркома обороны и заменен С.К. Тимошенко, в текст песни были внесены изменения: «С нами Сталин родной, Тимошенко – герой / С нами маршал идет Ворошилов».

⁴ Окончание лекции – в следующем номере.